

Информация для цитирования:

Бобров Д. С. Гарнизоны острогов Верхнего Приобья и крепостей Верхнего Прииртышья в первой половине XVIII века : сравнительный анализ численности / Д. С. Бобров // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 5. — С. 432—450. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-5-432-450.

Bobrov, D. S. (2026). Garrisons of Ostrogs of Upper Ob and Forts of Upper Irtysh in First Half of 18th Century: A Comparative Analysis of Strength. *Nauchnyi dialog*, 15 (5): 432-450. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-5-432-450. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ ERIHPLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Гарнизоны острогов Верхнего Приобья и крепостей Верхнего Прииртышья в первой половине XVIII века: сравнительный анализ численности

Бобров Денис Сергеевич
orcid.org/0000-0001-6786-1321
кандидат исторических наук,
доцент, ведущий научный сотрудник
кафедры отечественной истории
bds-eureka@yandex.ru

Алтайский
государственный университет
(Барнаул, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 25-78-00159,
<https://rscf.ru/project/25-78-00159/>

Garrisons of Ostrogs of Upper Ob and Forts of Upper Irtysh in First Half of 18th Century: A Comparative Analysis of Strength

Denis S. Bobrov
orcid.org/0000-0001-6786-1321
PhD in History, Associate Professor,
leading research scientist,
National History Department
bds-eureka@yandex.ru

Altai State University
(Barnaul, Russia)

Acknowledgments:
The research was carried out at
the expense
of a grant Russian Science Foundation
№ 25-78-00159,
<https://rscf.ru/project/25-78-00159/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу численности гарнизонов острогов Верхнего Приобья и крепостей Верхнего Прииртышья в первой половине XVIII века в контексте процессов освоения территории и формирования системы безопасности на юге Западной Сибири. Актуальность исследования обусловлена тем, что в историографии разработаны вопросы значимости укреплений в колонизации западносибирского приграничья и инженерные аспекты их истории, однако проблема количественного состава гарнизонов до сих пор остается в тени исследовательского интереса. Источниками выступили преимущественно не введенные в научный оборот материалы фондов Российского государственного архива древних актов и Российского государственного военно-исторического архива. Автор приходит к выводу, что динамика численности воинских подразделений, дислоцировавшихся в укреплениях, имела волновой характер с двумя ярко выраженными, но слабо сопоставимыми максимумами. Показано, что первый стал краткосрочным и приходился на период строительства и первые годы функционирования объекта; второй проявился в конце 1730-х — середине 1740-х годов и был обусловлен обострением военно-политической обстановки на юге Западной Сибири в сочетании с начавшейся масштабной региональной административной перестройкой.

Ключевые слова:

государственная политика; гарнизон; крепость; острог; регулярные войска; иррегулярные войска; Западная Сибирь; Верхнее Приобье; Верхнее Прииртышье.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the strength of garrisons stationed at the ostrogs (fortified settlements) of the Upper Ob and the forts of the Upper Irtysh during the first half of the 18th century, contextualized within the processes of territorial expansion and the establishment of a security system in southern West Siberia. The relevance of this research is underscored by the fact that, while the historiography has addressed the significance of these fortifications in the colonization of the West Siberian frontier and their engineering aspects, the issue of the quantitative composition of garrisons has remained largely overlooked. The primary sources for this study consist of previously unutilized materials from the Russian State Archive of Ancient Acts and the Russian State Military-Historical Archive. The author concludes that the dynamics of troop strength in these fortifications exhibited a wave-like pattern, characterized by two pronounced yet poorly comparable peaks. The first peak was short-lived, occurring during the construction phase and the initial years of operation, while the second peak manifested in the late 1730s to mid-1740s, driven by heightened military-political tensions in southern West Siberia alongside significant regional administrative restructuring.

Key words:

state policy; garrison; fortress; ostrog; regular troops; irregular troops; West Siberia; Upper Ob; Upper Irtysh.

УДК 94(47).05

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-5-432-450

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Гарнизоны острогов Верхнего Приобья и крепостей Верхнего Прииртышья в первой половине XVIII века: сравнительный анализ численности

© Бобров Д. С., 2026

1. Введение = Introduction

Освоение восточных окраин России в конце XVII — первой половине XVIII веков предполагало определение и реализацию на практике наиболее рациональных и продуктивных механизмов включения новых земель в общегосударственное пространство. Геополитическая нестабильность южных районов Западной Сибири и их примыкание к целому ряду центральноазиатских этнополитий, крупнейшей из которых являлось Джунгарское ханство [Моисеев, 1998], достаточно быстро укоренили в видении российских властей военно-инженерную политику в качестве одного из важных и эффективных инструментов колонизации региона [Огурцов, 1990] и формирования системы безопасности.

Закрепление за Россией истоков двух крупных сибирских рек Оби и Иртыша началось практически синхронно, в первые десятилетия XVIII века, и сопровождалось рядом военных экспедиций с целью сооружения острогов и крепостей в стратегически значимых местах. Так, на слиянии Бии и Катунь в 1709 году появился Бикатунский острог, уже следующим летом разрушенный джунгарским отрядом [Булыгин, 1986, с. 14—17; Огурцов, 2007, с. 41—42; Исупов, 2009, с. 31—42, 44—46; Бородаев, 2015, с. 94—97]. В 1717 году на правом берегу Оби, между устьями рек Черемшанки и Чесноковки, возникла Белоярская крепость [Бородаев, 2015, с. 215—226], вскоре был восстановлен Бикатунский острог [Булыгин, 1986, с. 21—22; Огурцов, 2007, с. 43; Исупов, 2009, с. 49; Муратова, 2007, с. 31—32]. Схожие процессы протекали и в Верхнем Иртыше, где в период с 1715 по 1720 годы образовался мощный комплекс укреплений (Ямышевская, Железинская, Семипалатная и Усть-Каменогорская крепости) [Бородаев, 2015, с. 122—137, 165—177, 261—329], достаточно быстро утвердившийся в административном дискурсе XVIII века в качестве «Верх-Иртышских крепостей» [История Алтая ..., 2019, с. 13—14]. В этом свете особую значимость приобретает вопрос численности гарнизонов

российских оборонительных объектов в верховьях Оби и Иртыша. Он не только напрямую определял широту, содержательную повестку функционала местных управленческих институтов, отражая состояние ресурсно-кадровой базы освоения, но и в процессе ее восполнения или замещения обнажал мобильность / иммобильность властей различных уровней, а также в значительной мере иллюстрировал степень взвешенности и гибкости реализовывавшейся административной политики.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Проблема численности и формирования гарнизонов острогов Верхнего Приобья и крепостей Верхнего Прииртышья не получила комплексного освещения в специальной литературе. Советская историография делала исключительный акцент на обстоятельствах организации экспедиций и сооружения российских укреплений в первые два десятилетия XVIII века, рассматривая эти процессы в контексте либо встраивания правительственного курса освоения в «вольнонародную» колонизацию (зачастую с очевидным акцентом на хозяйственной деятельности местного, в первую очередь крестьянского населения) [Булыгин, 1986; Громько, 1965; Колесников, 1973; Аполлова, 1976], либо динамики гео- и этнополитической ситуации в регионе [Уманский, 1980]. Подобный концептуальный дуализм сохранился в отдельных работах рубежа веков [Моисеев, 1998; Уманский, 1999]. Основы иного подхода заложены в исследованиях А. Ю. Огурцова, где военно-инженерная политика представлена в качестве самостоятельного механизма освоения Российским государством южных районов Западной Сибири в XVIII веке [Огурцов, 1990; 2007]. Применительно к этому же периоду С. Р. Муратовой прослежены история создания Сибирских укрепленных линий, а также эволюция стратегий и практик администрирования ими (с акцентом на второй половине столетия) [Муратова, 2007]. На материалах Притоболья и Нижнего Прииртышья В. Д. Пузановым выработана и обоснована концепция военно-колонизационной политики России в Западной Сибири [Пузанов, 2009; 2011]. Эта идея на примере Бийской крепости развернута С. Ю. Исуповым, раскрыта роль укрепления как стратегического, опорного пункта российских властей на Алтае в XVIII веке [Исупов, 2009; Исупов, 2010; Исупов, 2011]. А. С. Зуевым и А. В. Контевым затронуты организационные аспекты перестройки системы регулярных и иррегулярных войск в регионе в начале второй трети XVIII века [Зуев, 2007; Контев, 2016]. А. В. Дмитриевым на более широком хронологическом отрезке (1725—1796 годы) комплексно реконструированы формирование контингентов, кадровый состав и материальное обеспечение армейских частей Сибири [Дмитриев, 2017]. Таким образом,

к настоящему времени в историографии разработаны вопросы значимости укреплений в колонизации западносибирского приграничья и инженерные аспекты их истории, однако проблема количественного состава гарнизонов до сих пор остается в тени исследовательского интереса.

В связи с этим целью текущей публикации является анализ численности гарнизонов острогов Верхнего Приобья и крепостей Верхнего Прииртышья в контексте процессов освоения и формирования системы безопасности, протекавших на юге Западной Сибири в первой половине XVIII века. Источниковую основу исследования составили подавляющей частью не введенные в научный оборот массивы фондов № 24 (Сибирский приказ и управление Сибирью), 248 (Сенат и его учреждения), 517 (Кузнецкая воеводская канцелярия) и 1402 (Бийская земская изба (Бийская крепость)) Российского государственного архива древних актов (РГАДА), а также ф. 20 (Воинская экспедиция Военной коллегии) Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Кроме того, привлечены такие сборники исторических документов, как хрестоматийное сочинение Г. Ф. Миллера «Описание Кузнецкого уезда...» [История Сибири ..., 1996], «Материалы для истории Сибири» Г. Н. Потанина [Материалы ..., 1867] и «Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730—1740-х годов (по анкетам В. Н. Татищева)» [Историко-географические описания ..., 2010].

Специфика документооборота региональных и местных управленческих структур западносибирских окраин первой половины XVIII века обуславливает ряд сложностей, с которыми традиционно сталкиваются исследователи при изучении штата и численного состава гарнизонов укреплений. В частности, реконструкцию осложняет характерная для региона ползучая интеграция иррегулярных подразделений в регулярные, начавшаяся с 1730-х годов и в полной мере не завершившаяся даже к 1750-м. Она стала фактором усложнения и дезорганизации учета войск, располагавшихся в пределах (округе) оборонительных объектов. Сложившаяся в результате этого картина в чем-то парадоксальна. Учет гарнизонов, номинально являвшийся формально-строгим, в действительности таковым не был, поэтому имеющиеся материалы не позволяют с абсолютной уверенностью установить точное число офицеров, солдат и драгун, казаков, находившихся по месту своей дислокации. Это связано еще и с многочисленными отлучками некоторых военных в губернский и / или уездный центры, приграничную зону (с целью конвоирования заключенных / беглых, доставки документов и т. д.), а также с сохранением отдельных практик «годовальной» службы, к 1740-м годам приобретшей рудиментарный характер. В результате находившиеся в командировке / прикомандированные в большинстве случаев

учитывались в общем количестве, в некоторых ведомостях образовывали отдельную группу, а в других — не фиксировались вовсе. Эта проблема для российских укреплений в междуречье Оби и Иртыша наиболее выпукло обозначилась во второй половине 1730—1740-х годов на фоне перманентного увеличения гарнизонов и внедрения элементов «линейного» принципа охраны (возникновение разъездов и форпостов). Следует также учитывать, что далеко не во всех войсковых ведомостях фиксировалось одновременно штатное расписание и реальное состояние гарнизона, часто фигурировал лишь один из этих параметров. Нельзя забывать и то, что на юге Западной Сибири в первой половине — середине XVIII века в условиях дефицита воинских команд региональные и местные власти активно практиковали привлечение для охраны объектов дополнительных иррегулярных частей на экстраординарной основе (в терминологии Н. Г. Аполловой — «выписных казаков» [Аполлова, 1976, с. 141]). То обстоятельство, что такие случаи далеко не всегда находили отражение в документах, с одной стороны, представляет собой один из ключей к пониманию кратковременных и не обусловленных переброской дополнительных команд скачков численности гарнизонов, но, с другой — еще больше осложняет задачу воссоздания целостной картины эволюции вооруженных сил, дислоцировавшихся в российских укреплениях западносибирского приграничья. Наконец, не стоит исключать и возможность элементарных ошибок в документах учета, что объяснялось недостаточной информированностью составителей, сложными взаимоотношениями и слабыми контактами между разноотраслевыми управленческими структурами. Ведомости численности иррегулярных войск, составлявшиеся гражданскими властями (воеводскими канцеляриями — на основе выкладок казачьих голов уездных городов), а также регулярных, формировавшихся военными офицерами (полковыми канцеляриями) и в некоторых случаях включавшие сведения об иррегулярных контингентах, не всегда сопрягались друг с другом.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общие аспекты размещения российских укреплений в Обь-Иртышском междуречье и комплектования их гарнизонов

Российские укрепления, сооруженные в верховьях Оби и Иртыша в первой трети XVIII века, в военно-инженерном плане делились на 2 группы: Бикатунская и Белоярская фортеции являлись острогами башенного типа, в то время как на Иртыше сооружались бастионные крепости. Поскольку административный дискурс не разводил понятия «крепость» и «острог», часто соответствующие слова употреблялись в одном документе в качестве синонимов, следствием чего становился синкретизм восприятия

управленческим звеном нюансов и различий фортификационного характера между этими двумя видами оборонительных пунктов.

Остроги Верхнего Приобья и крепости Верхнего Прииртышья долгое время располагались по «рассеянному» принципу размещения, предполагавшему контроль лишь сравнительно небольшой территориальной округи, защиту непосредственно гарнизона и окрестного населения [Огурцов, 1990, с. 100—101]. На это в свое время обращал внимание еще А. Д. Колесников, отмечая, что «по... Иртышу, Оби и Томи стояли лишь отдельные изолированные остроги и слободы, приспособленные для ведения круговой обороны» [Колесников, 1973].

Наиболее выпукло «рассеянный» принцип размещения инженерных объектов проявился в Верхнем Приобье, где длительное время существовали только Бикатунский и Белоярский остроги, расстояние между которыми составляло около 150 верст. Их гарнизоны на протяжении первых двух десятилетий после сооружения укреплений формировались исключительно из числа нерегулярных войск. Единственным источником комплектования являлись служилые люди (казаки), которые командировались из уездного центра (Кузнецка) в статусе годовальщиков, то есть лиц, привлекавшихся для охраны и обороны удаленных объектов на ограниченный период, в среднем от шести месяцев до года [Пузанов, 2009, с. 132—133]. В исторической реальности южных районов Западной Сибири и Алтая срок такой службы мог увеличиваться и достигать 14—18 месяцев.

3.2. Динамика численности гарнизонов острогов Верхнего Приобья

Динамика численности гарнизона Бикатунского острога является относительно слабо изученной и дискуссионной, несмотря на наличие отдельных публикаций, тематика которых напрямую посвящена этому аспекту [Исупов, 2011]. Существует историографический консенсус относительно размера первого состава гарнизона Бийска в 100 человек [Бульгин, 1986, с. 17; Исупов, 2009, с. 35—36, 42; Бородаев, 2015, с. 95, 101]. Он основан на фразе из донесения воеводы Кузнецкого уезда Михаила Овцына в Москву о сооружении укрепления в верховьях Оби в 1709 году: «А в оном новопостроенном остроге оставлен кузнецкий сын боярский Андрей Попов, а с ним служилых людей сто человек» [Исупов, 2009, с. 35]. С. Ю. Исупов добавляет к этому, что в течение нескольких лет после восстановления инженерного объекта численность его гарнизона не превышала 50—60 человек [Исупов, 2009, с. 52; 2010, с. 92]. Данный тезис частично подтверждается фрагментом одной из редких коллективных челобитных кузнецких служилых людей сибирскому вице-губернатору Ивану Васильевичу Болтину от 5 ноября 1730 года, где отмечается, что «толко... ведомства Бикатунской крепости для обережи оной крепости от неприятельских людей

по пятидесят и шестидесят и до ста человек погодно также посылаемся» [РГАДА, ф. 517, оп. 1, д. 26, л. 33—33 об.]. Таким образом, число годовальщиков в Бийске в случае усиления военно-политической напряженности в локальном районе могло возрасть до 100 казаков, что соответствовало сложившимся административным практикам охраны крупных объектов Кузнецкого уезда [Бобров, 2018, с. 15]. Однако уже в следующие полтора десятилетия наметилась неуклонная тенденция сокращения общего количества годовальных казаков в Бийской крепости до практически критического предела в 30–35 с небольшим «отскоком» к 40 военным в 1734 году [РГАДА, ф. 517, оп. 1, д. 51, л. 11 об.–12]. Эти данные подтверждаются Г. Ф. Миллером, который, однако, замечает, что 40 казаков — характерное состояние контингента острога в летнее время, зимой же соответствующее количество могло опускаться даже до 25 [История Сибири ..., 1996, с. 24].

Четко обозначившаяся динамика численности была связана с трансформацией статуса-кво в административной системе западносибирского приграничья как неизбежным следствием начала строительства и введения в эксплуатацию колыванских предприятий, изменениями в стратегиях и практиках обеспечения безопасности. В рамках соответствующей корректировки политики губернского центра вице-губернатор И. В. Болтин переложил всю тяжесть охраны молодого промышленного комплекса (выделение 60–100 казаков) на служилых людей одного Кузнецкого уезда (несколькими годами ранее нагрузка пропорционально распределялась с томским служилым миром) [Бобров, 2017, с. 24–25].

При этом уездные власти в силу отдаленности Бикатунского острога, нахождения его на периферии Кузнецкого уезда не всегда обладали точной информацией о числе командированных сюда годовальщиков. Например, в своем доношении в губернскую канцелярию, которое впоследствии оказалось в Сенате, кузнецкий воевода А. Ф. Бартенов сообщал о наличии в Бийске на момент 1734 года 44 казаков, что являлось преувеличением действительности [Бобров, 2018, с. 15–16; РГАДА, ф. 248, оп. 15, кн. 867, д. 1, л. 668—670].

Вопрос о том, насколько 40—60 и даже 100 человек могли справиться с потенциальной угрозой набега и разорения со стороны калмыков и их кыштымников, остается открытым, учитывая, что более 60 иррегулярных военных не смогли сохранить крепость в 1710 году. Для сравнения Г. Ф. Быконя приводит данные о приблизительно 400 служилых, находившихся на годовальной службе в Абаканском остроге в конце первого десятилетия XVIII века [Быконя, 2013]. Ресурсы, которыми располагала Кузнецкая воеводская канцелярия, были значительно скромнее: к середине 1730-х годов общее число людей «старых служб», приписанных к Кузнецку, составляло

500 человек, 328 (65,6 %) из которых находились в различных командировках как на территории уезда, так и за его пределами [Бобров, 2018, с. 16; РГАДА, ф. 517, оп. 1, д. 51, л. 12—12 об.]. Это значительно превышало средний по Западной Сибири процент служилых людей в «дальних отлучках», который составлял примерно треть от общего состава гарнизонов [Зуев, 2007, с. 23]. В конце 1730-х годов положение дел в этой сфере ощутимо улучшилось, после чего, по сведениям геодезиста Ивана Шишкова, Кузнецкая канцелярия имела в своем подчинении в общей сложности офицеров, солдат и служилых людей уже 821 человек (при ответе на татишевские анкеты уездные власти констатировали наличие к концу 1730-х годов приписанных к уездному центру обер- и унтер-офицеров, солдат и драгун, в том числе состоящих на форпостах — 402; определенных дворян — 4; детей боярских — 23; конных казаков — 230; пеших казаков — 142; служилых татар — 20) [Историко-географические описания ..., 2010, с. 173].

Гораздо более очевидная тенденция сложилась с гарнизоном Белоярского острога, где доля служилых людей начала стремительно снижаться фактически с момента возведения укрепления: с 90 казаков в 1717 году до всего лишь 15 — в 1723 году [РГАДА, ф. 517, оп. 1, д. 122, л. 22 об.]. А ближе к концу этого десятилетия воеводы и вовсе перестали командировать сюда годовальщиков, замещая их отправленными на постоянное место жительства 50 отставными казаками, которым, как и находившимся в службе, предписывалось «по очереди быть в старостах, и в выборных, и в караулах» [РГАДА, ф. 517, оп. 1, д. 122, л. 9—9 об.]. Материалы Г. Ф. Миллера показывают, что к середине 1730-х годов эта практика окончательно утвердилась в административной линии кузнецких воевод [История Сибири ..., 1996, с. 25]. Такой контраст исторических реалий наполнения гарнизонов острогов Верхнего Приобья в значительной степени обусловливался тем, что Белоярский, в отличие от Бикатунского, изначально находился вдали от нестабильного в военно-стратегическом плане авангарда освоения, быстро превратившись в густонаселенный земледельческий район с минимальными рисками для обороны.

Усиливавшаяся в западносибирском приграничье военно-политическая напряженность (возобновившиеся претензии джунгарских зайсанов и алманщиков на сбор дани с части автохтонного населения междуречья Оби и Иртыша) ставила под сомнение эффективность организации обороны российских территорий. Это стало одним из ключевых факторов ощутимой региональной административной перестройки во второй половине 1730-х — начале 1740-х годов. Изменения вылились в том числе в создание в дополнение к четырем уже существовавшим в Сибири полкам Новоуредженного драгунского, а также Новоучрежденного пехотного батальо-

на [Зуев, 2007, с. 22—27; Дмитриев, 2017, с. 98—108]. Остроги Верхнего Приобья в плоскости численности гарнизонов эти изменения затронули непосредственно и ощутимо. Во-первых, они способствовали появлению регулярных отрядов и росту их доли в общей структуре подразделений, дислоцировавшихся в укреплениях. Во-вторых, Бийская крепость превратилась в один из ключевых для всего Обь-Иртышского междуречья административно-стратегических центров, курировавших управление и снабжение регулярных команд. После завершения комплектования Новоучрежденного полка в Бийск (через Кузнецк) была направлена сначала одна рота (драгунская команда П. Фадеева численностью 100 человек [Исупов, 2009, с. 60—61; 2010, с. 93; Дмитриев, 2017, с. 109], 30 из которых сразу должны были отправиться в Белоярск), усиленная 50 кузнецкими казаками во главе с пятидесятником Т. Бессоновым [Огурцов, 2007, с. 48]. Спустя несколько месяцев в округу Бийской крепости были переведены еще две роты под командованием Якова Деграве [Дмитриев, 2017, с. 109]. Эти подразделения в региональном и местном административном дискурсе западносибирского приграничья стали именоваться «кузнецкими ротами», которые дислоцировались в «Бийской крепости», хотя в реальности они располагались скорее в «ведомствах» (административных округах) Бийского и Белоярского острогов, образуя полустационарные, стихийные «фарпосты». Отряды Новоучрежденного драгунского полка, направлявшиеся в Верхнее Приобье, подлежали определенной ротации, что в определенной степени сближало их с годовальщиками, однако период дислокации регулярных войск был несравнимо большим.

Через несколько лет командование войсками в локальном районе было передано капитану Василию Соколову, который получил указ подчиняться Кузнецкой воеводской канцелярии «без всякаго отрицания и прекословия» [Бобров, 2018, с. 18; РГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 4, л. 38 об.] и в свою очередь руководил поручиками Зиновием Прямогладовым, возглавлявшим гарнизон округа Белоярского острога, и Александром Тарасовым, руководившим обороной Малышевой слободы [РГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 4, л. 38 об.]. Перемены в офицерском корпусе соотносились с неуклонным увеличением числа регулярных военных в гарнизонах Верхнего Приобья: в 1743 году в Бийской крепости на постоянной основе находилось 64 драгуна и солдата (в Белоярской крепости — 56, то есть в общей сложности 110) [РГАДА, ф. 517, оп. 1, д. 119, л. 3 об.], а к 1744 году количество офицеров и солдат только в Бийске достигло 85 человек [РГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 4, л. 27]. Еще более ощутимые темпы прироста гарнизонов наблюдались в течение следующих двух лет. Уже на рубеже 1744—1745 годов суммарное число военных в острогах и слободах Верхнего Приобья превысило 300: в Бийской

крепости под командованием В. Соколова находилось 202 человека, в Белоярской крепости под начальством З. Прямоглядова — 58, в Малышевой слободе при А. Тарасове — 51 отставной казак [РГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 4, л. 39]. От этого в значительной степени отличаются цифры, приведенные в этот же период полковником Яковом Степановичем Павлуцким в доношении генерал-майору Христиану Киндерману: в Бийске — 147 регулярных военных и 50 казаков, в Белоярской крепости — 56 рядовых и 50 казаков, в Малышевой слободе рядовых — 43, казаков — 50 [Материалы ..., 1867, с. 17], что в общей сложности давало около 400 человек. Еще более высокие цифры приведены в «Экстракте о числе форпостов, крепостей, людей в них и артиллерии», датированном 25 августа 1744 года. В соответствии с ним в Бийской крепости дислоцировалось 74 военных и еще 253 располагалось в прилегающей слободе, в Белоярске — 109, в Малышевой слободе — 92, то есть в общей сложности 528 человек [Там же, с. 18—19]. Причины такого расхождения, скорее всего, кроются в различной административной принадлежности и, как следствие, заметно отличавшихся друг от друга подходах составителей учетных табелей.

Существенное ресурсное насыщение острогов Верхнего Приобья воинскими частями, безусловно, повышало боеготовность укреплений, но полностью не «закрывало» соответствующую проблему. Вместе с тем при ощутимом снижении нагрузки с команд служивых людей и их плавной интеграции в регулярные подразделения в управленческой повестке неизбежно возникали вопросы разграничения полномочий между гражданскими и военно-ведомственными институтами, в том числе в рамках организации снабжения гарнизонных подразделений.

3.3. Тенденции количественных изменений состава гарнизонов крепостей Верхнего Прииртышья

Схожие процессы протекали в крепостях Верхнего Прииртышья, однако следует учитывать, что в этом районе в первой половине XVIII века политическая обстановка была лишена подоплеки скрытой административной конкуренции в силу особого характера территорий, выведенных за рамки уездного административного деления, и почти полного отсутствия здесь российских поселений с мирными жителями. Вплоть до 1740-х годов лишь вблизи Ямышевской и Железинской крепостей имелись стационарные пункты с гражданским населением [РГАДА, ф. 248, оп. 13, кн. 690, д. 57, л. 630]. В остальных укреплениях «командиры» (штаб-офицеры) осуществляли управление исключительно местными гарнизонами. Количественный состав последних, конечно, был несоизмеримо выше, чем в острогах Верхнего Приобья, но принципиальным образом не решал проблему дефицита войск и «гарнизонного голода» в российских крепостях западносибирского

приграничья, острота которой со временем стала настолько очевидной всем акторам освоенческого процесса, что признавалась как в гражданском, так и в военно-ведомственном административных дискурсах. На это в свое время указывал еще М. И. Венюков, подчеркивая, что целевым назначением российских укреплений на юге Западной Сибири не могло быть полное предотвращение угрозы нападений [Венюков, 1873, с. 17].

В историографии на протяжении длительного времени господствовало мнение о том, что фактически сразу после завершения активной фазы первой волны строительства российских инженерных объектов на Иртыше гарнизоны крепостей и форпостов были усилены за счет переброски 800 военных [Аполлова, 1976, с. 140]. Однако представляется, что эта ситуация характерна скорее для середины 1730-х — начала 1740-х годов. По более подробным сведениям С. Р. Муратовой, на рубеже 1720-х в Ямышевской крепости оказалось 370 военных, в Долонской — 173, в Железинской — 46 [Муратова, 2007, с. 53]. Вскоре в результате неоднозначного указа Петра I 1721 года о снятии в Верхнем Прииртышье части укреплений в Ямышевской крепости дислоцировалось 100 солдат и 200 казаков, в Семипалатной — 100 солдат и 300 казаков, в Железинской — 200 гренадеров и 50 казаков, в Усть-Каменогорской — 200 солдат и 100 казаков, кроме того, на всю цепочку инженерных фортеций было оставлено 18 канониров, 30 фузилеров и 6 бомбардиров [Там же, с. 58], то есть в общей сложности в Верх-Иртышских опорных пунктах числилось 1304 военных. Таким образом, в начале 1720-х годов первые российские укрепления в этом районе получили ощутимое кадровое насыщение, которое, однако, носило временный характер.

В соответствии с составленным спустя несколько лет штатным расписанием во всех крепостях Верхнего Прииртышья должно было находиться суммарно лишь 550 военных (еще 200 — в Омске), в том числе в Ямышевской и Семипалатной — по 200 человек, в Усть-Каменогорской — 100, в Железинской — 50 [РГАДА, ф. 24, оп. 1, д. 25, л. 21 об.]. Реальная численность гарнизонов была несколько выше и в совокупности достигла 615 человек (без учета Омской крепости) [РГАДА, ф. 24, оп. 1, д. 25, л. 22—23]. Как видно, подобные колебания количества военных носили во многом относительный характер не только из-за противоречий штатного расписания и фактического положения, но также в силу ощутимых расхождений данных по смежным локальным периодам.

В частности, А. С. Зуев на основе материалов из архива Сената показывает, что по штатному расписанию в Верх-Иртышских крепостях в 1735 году должно было находиться 750 служилых людей, в то время как в действительности дислоцировалось лишь 669 [Зуев, 2007, с. 25]. Несмо-

тря на очевидную разницу между номинальным и реальным составами гарнизонов укреплений, в 1737 году штат был и вовсе сокращен до 489 казаков за счет верстания 180 человек в Новоучрежденный полк и пехотный батальон [Зуев, 2007, с. 25]. При этом из выкладок геодезиста В. Шишкова по татищевским анкетам вытекает, что к 1737 году в Ямышевской крепости дислоцировалось 390 военных, в Семипалатной — 331, в Усть-Каменогорской — 135 [Историко-географические описания ..., 2010, с. 45], что в общей сложности значительно больше штатного расписания рубежа 1720—1730-х годов, но заметно меньше численности контингентов в первое десятилетие после сооружения укреплений.

К середине 1740-х годов численность гарнизонов в Верхнем Прииртышье не только стабилизировалась, но и стала планомерно увеличиваться, что в числе прочего было связано с появлением в Сибири новых войсковых частей. По выкладке, представленной полковником Новоучрежденного полка Тимофеем Зариным, в 1744 году в Ямышевской крепости числилось 403 человека, в Семипалатной — 304, в Усть-Каменогорской — 141, то есть всего около 850 солдат и офицеров, однако более половины из них находились в командировках в недавно построенных редутах, форпостах и защитах, а также в иных посылках или караулах [Контев, 2016, с. 52]. С этими показателями в определенной мере согласуются данные, представленные в свое время Г. Н. Потаниным. Он опирался на «Экстракт о числе форпостов...», в котором зафиксировано присутствие в Ямышевской крепости 303 человек, в Семипалатной — 204, в Усть-Каменогорской — 141, в Железинской — 72 [Материалы ..., 1867, с. 18]. Столь существенная, на первый взгляд, разница с ведомостью Т. Зарина связана с тем, что по 100 человек из Ямышевской и Семипалатной крепостей на постоянной основе находились в близлежащих форпостах: Коряковском и Чернорецком — для Ямышевского укрепления, Семиарском станце и Убинской заставе — для Семипалатного. В каждом из них соответственно располагалось по 50 военных [Контев, 2016, с. 52]. Отчасти принцип распределения и гарнизонного насыщения небольших укреплений Иртышской линии был прояснен самим Я. С. Павлуцким, который в одном из рапортов 1747 года говорил (видимо, в переложении Г. Н. Потанина) о том, что «с нерегулярными [войсками вместе с регулярными] в 4 фарпостах было по 60, в 7 по 50, а на станцах по 25 человек» [Материалы ..., 1867, с. 21].

При этом, как видно из приведенных выше данных, к концу 1744 года совокупное число регулярных и иррегулярных войск, размещенных в Верх-Иртышских оборонительных объектах, превысило 900. Однако даже такого усиления оказалось недостаточно для разрешения назревших военно-стратегических и социально-административных задач. Еще в начале второй

четверти XVIII века более 400 казаков из Ямышевской, Семипалатной и Усть-Каменогорской крепостей жаловались сибирскому губернатору на свое крайне тяжелое положение: «Завсегда бываем крепость от крепости и в степи на своих собственных лошадях в разъездах и ... повсягдно заготавливаем с озера Ямышева соль в казенные анбары к отвозу в Тобольск...» [Аполлова, 1976, с. 142]. Подтверждал сложность ситуации и Я. С. Павлуцкий, констатировав затруднительное состояние служивших в локальном районе казаков, которые самым активным образом участвовали «в караулах и разъездах, а паче у хлебопашества и в посылках в Тобольск... и в добыче соли» [Материалы, 1867, с. 21]. На это накладывалась возложенная на казаков указом 1731 года обязанность ремонтировать существующие оборонительные сооружения, а также по мере необходимости строить новые [Аполлова, 1976, с. 142]. В результате Т. Зарин, обращаясь в губернскую канцелярию, с горечью резюмировал: «А ежели будет нападение неприятельское, то никоими меры за оным малолюдством будет дать отпор» [Контев, 2016, с. 52]. С одной стороны, ожидаемой реакцией на это и, вместе с тем, важным элементом завершения складывания Иртышской оборонительной линии явилось ощутимое увеличение численности гарнизонов всех инженерных объектов, начатое в 1745 году [Контев, 2016, с. 54] и связанное с переводом в регион новых регулярных полков (Олонецкого, Луцкого и др.). В 1745—1747 годах в крепостях и форпостах Верхнего Прииртышья, по данным А. Д. Колесникова, дислоцировались уже 1410 человек (видимо, с учетом контингента Омской крепости, а также корпуса казаков, направленных заниматься казенным хлебопашеством) [Колесников, 1973, с. 68]. В течение следующих нескольких лет произошел стремительный рост гарнизонов Иртышской линии, к концу первой половины XVIII века, по сведениям самого Х. Х. Киндермана, в общей сложности здесь были размещены 4511 военных (с учетом укреплений в Среднем Прииртышье), в том числе 3393 регулярных (подразделения Сибирского и Нашебургского пехотных, Новоучрежденного драгунского полков), а также 1118 казаков и приравненных к ним людей [РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 410. л. 3—3 об.].

4. Заключение = Conclusions

Формирование и численность гарнизонов острогов Верхнего Приобья и крепостей Верхнего Прииртышья вплоть до середины XVIII века находились в очевидной зависимости от освоенческой конъюнктуры и, в свою очередь, отражали состояние ресурсной базы реализации государственной военной и административной политики. В более широком смысле вопрос складывания гарнизонов российских оборонительных объектов располагался в плоскости взаимоотношений гражданских и во-

енно-ведомственных властей. Синкретизм управленческих вертикалей на фоне наблюдавшегося в укреплениях верховий Оби и Иртыша кадрового «голода» и сохранявшейся внешней опасности неизбежно превращал этот район в одну из ведущих площадок сибирского приграничья по апробации насыщения гарнизонов одновременно иррегулярными и регулярными частями с неуклонно возрастающим доминированием последних. Динамика численности воинских подразделений, дислоцировавшихся в укреплениях, имела волновой характер с двумя ярко выраженными, но слабо сопоставимыми максимумами. Первый стал краткосрочным и приходился на период строительства и первые годы функционирования объекта, был связан со стремлением властей минимизировать угрозу нападения кочевников в этом локальном временном промежутке. Второй проявился в конце 1730-х — конце 1740-х годов и был обусловлен обострением военно-политической обстановки на юге Западной Сибири в сочетании с начавшейся масштабной региональной административной перестройкой. Этот максимум сопровождался ощутимым и необратимым увеличением совокупного количества гарнизонных команд, что, однако, полностью не решало и не снимало с повестки дня проблему дефицита оборонительных сил.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Историко-географические* описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730—1740-х гг. (по анкетам В. Н. Татищева) : сб. док. / авт. вступ. ст. и археограф. справки В. Б. Бородаев, А. В. Контев. — Санкт-Петербург : Европейский дом, 2010. — 260 с. — ISBN 978-5-8015-0276-2.
2. *История Сибири*. Первоисточники. Сибирь XVIII в. В путевых описаниях Г. Ф. Миллера / изд. подготов. А. Х. Элерт ; отв. ред. Н. Н. Покровский. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. — Выпуск VI. — 310 с.
3. *Материалы для истории Сибири* / сост. Г. Н. Потанин // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. — Москва : Университетская типография «Катков и к» на Страстном бульваре, 1867. — Книга 4. — 324 с.
4. РГАДА — *Российский государственный архив древних актов*. Ф. 24. Сибирский приказ и управление Сибирью. Оп. 1. Д. 25 ; Ф. 248. Сенат и его учреждения. Оп. 13. Кн. 690. Д. 57 ; Оп. 15. Кн. 867. Д. 1. ; Ф. 517. Кузнецкая воеводская канцелярия. Оп. 1. Д. 26 ; 51 ; 119 ; 122. ; Ф. 1402. Бийская судная (земская) изба. Оп. 1. Д. 4.
5. РГВИА — *Российский государственный военно-исторический архив*. Ф. 20. Воинская экспедиция Военной коллегии. Оп. 1. Д. 410.

Литература

1. *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. / Н. Г. Аполлова. — Москва : Наука, 1976. — 371 с.

2. *Бобров Д. С.* Кольванские заводы в политике кузнецких воевод во второй четверти XVIII в. / Д. С. Бобров // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2017. — № 4. — С. 23—29. — DOI: 10.21603/2078-8975-2017-4-23-29.

3. *Бобров Д. С.* О роли Бийской крепости в российском колонизационном процессе на Алтае в первой половине XVIII века (к 300-летию возведения второго Бикатунского острога) / Д. С. Бобров // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2018. — № 4. — С. 11—23. — DOI: 10.21603/2078-8975-2018-4-13-23.

4. *Бородаев В. Б.* Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620—1720-х гг.: документальная монография / В. Б. Бородаев, А. В. Контев. — Барнаул : Изд-во АГПУ, 2015. — 415 с. — ISBN 978-5-88210-801-3.

5. *Булыгин Ю. С.* Выход русских к реке Бии и основание Бикатунской крепости / Ю. С. Булыгин // Города Алтая эпохи феодализма и капитализма : межвуз. сб. науч. ст. — Барнаул : Изд-во АГУ, 1986. — С. 3—24.

6. *Быкоия Г. Ф.* Заселение русскими Приенейского края в XVIII в. / Г. Ф. Быкоия. — Красноярск : КГПУ им. В. П. Астафьева, 2013. — 12 см. — ISBN 978-5-85981-555-5.

7. *Венюков М. И.* Опыт военного обозрения русских границ в Азии / М. И. Венюков. — Санкт-Петербург : Типография В. Безобразова и К^о, 1873. — 569 с.

8. *Громыко М. М.* Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение / М. М. Громыко. — Новосибирск : Сиб. отд. изд-ва Наука, 1965. — 265 с.

9. *Дмитриев А. В.* Русская регулярная армия в Сибири (1725—1796) : особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии / А. В. Дмитриев. — Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 528 с.

10. *Зуев А. С.* Штатная реформа сибирского казачества 1737 г. / А. С. Зуев // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: история, филология. — 2007. — Т. 6. — Выпуск 1. — С. 22—27.

11. *История Алтая.* Алтай в конце XVII — начале XX в. / под ред. В. А. Скубневского. — Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2019. — 300 с. — ISBN 978-5-7904-2278-2.

12. *Исупов С. Ю.* Крепость Бийская — есть главная... / С. Ю. Исупов. — Барнаул : Азбука, 2009. — 302 с. — ISBN 978-5-93957-324-5.

13. *Исупов С. Ю.* Роль Бийской крепости в военно-колонизационной политике Российской империи на Алтае в первой половине XVIII в. / С. Ю. Исупов // Известия Алтайского государственного университета. Сер. : история, политология. — 2010. — № 4. — Т. 3. — С. 91—94.

14. *Исупов С. Ю.* Динамика изменений численности гарнизона Бийской крепости в первой половине XVIII в. / С. Ю. Исупов // Актуальные вопросы истории Сибири. Восьмые науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. — Барнаул : Изд-во АГУ, 2011. — С. 95—96.

15. *Колесников А. Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX в. / А. Д. Колесников. — Омск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. — 440 с.

16. *Контев А. В.* Формирование вооруженных сил на Иртышской пограничной линии в середине 1740-х гг. / А. В. Контев // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2016. — № 4. — С. 51—56. — DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-51-56.

17. *Огурцов А. Ю.* Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. Ю. Огурцов. — Свердловск, 1990. — 260 с.

18. Огурцов А. Ю. На Кузнецкой линии / А. Ю. Огурцов // Кузнецкая старина. — 2007. — Выпуск 9. — С. 40—67.
19. Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. (очерки внешнеполитических отношений) / В. А. Моисеев. — Барнаул : Изд-во АГУ, 1998. — 174 с.
20. Муратова С. П. Сибирские укрепленные линии в XVIII в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / С. П. Муратова. — Уфа, 2007. — 241 с.
21. Пузанов В. Д. Годовальщики в Сибири в XVII в. / В. Д. Пузанов // Вопросы истории. — 2009. — № 2. — С. 132—142.
22. Пузанов В. Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII в.) / В. Д. Пузанов. — Сургут : Таймер, 2011. — 233 с. — ISBN 978-5-905243-07-3.
23. Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII—XVIII вв. / А. П. Уманский. — Новосибирск : Наука, 1980. — 296 с.
24. Уманский А. П. Кузнецк и Алтайские остроги / А. П. Уманский // Кузнецкая старина. — 1999. — Выпуск 3. — С. 3—17.

Статья поступила в редакцию 16.02.2026,
одобрена после рецензирования 26.05.2026,
подготовлена к публикации 21.06.2026.

Material resources

- Historical and geographical descriptions of the Upper Ob region and the Irtysh region in the 1730s and 1740s (according to V. N. Tatishchev's questionnaires): collection of documents.* (2010). Saint Petersburg: European House. 260 p. ISBN 978-5-8015-0276-2. (In Russ.).
- Materials for the History of Siberia. (1867). In: *Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University*, 4. Moscow: Katkov and Co. University Printing House on Strastnoy Boulevard. 324 p. (In Russ.).
- Pokrovsky, N. N. (ed.). (1996). *History of Siberia. Primary sources. Siberia of the XVIII century. In travel descriptions by G. F. Miller, VI.* Novosibirsk: Siberian Chronograph. 310 p. (In Russ.).
- RGADA — *Russian State Archive of Ancient Acts. F. 24. Siberian order and administration of Siberia ; F. 248. The Senate and its institutions ; F. 517. Kuznetsk Voivodeship Chancellery ; F. 1402. Biysk sudnaya (zemskaya) hut.* (In Russ.).
- RGVIA — *Russian State Military-Historical Archive. F. 20. Military Expedition of the Military Collegium.* (In Russ.).

References

- Apollova, N. G. (1976). *Economic development of the Irtysh region at the end of the XVI — first half of the XIX century.* Moscow: Nauka Publ. 371 p. (In Russ.).
- Bobrov, D. S. (2017). Kolyvan factories in the politics of the Kuznetsk voivodes in the second quarter of the XVIII century. *Bulletin of Kemerovo State University*, 4: 23—29. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-4-23-29. (In Russ.).
- Bobrov, D. S. (2018). About the role of the Biysk fortress in the Russian colonization process in the Altai in the first half of the XVIII century (to the 300th anniversary of the erection of the second Biysk stockaded town). *The Bulletin of Kemerovo State University*, 4: 13-23. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-4-13-23. (In Russ.).

- Borodaev, V. B., Kontev, A. V. (2015). *Formation of the Russian border in the Irtysh-Yenisei interfluvium in the 1620s—1720s: a documentary monograph*. Barnaul: AGPU Publishing House. 415 p. (In Russ.).
- Bulygin, Y. S. (1986). Russians reached the Biya River and founded the Bikatun fortress. In: *Altai cities of the era of feudalism and capitalism: interuniversity collection of scientific articles*. Barnaul: Publishing House of ASU. 3—24. (In Russ.).
- Bykonya, G. F. (2013). *Settlement of the Yenisei region by Russians in the XVIII century*. Krasnoyarsk: KSPU named after V. P. Astafiev. 12 cm. ISBN 978-5-85981-555-5. (In Russ.).
- Dmitriev, A. V. (2017). *The Russian regular army in Siberia (1725—1796): features of military service on the “eastern outskirts” of the Russian Empire in the XVIII century*. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. 528 p. (In Russ.).
- Gromyko, M. M. (1965). *Western Siberia in the XVIII century. The Russian population and agricultural development*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Nauka Publishing House. 265 p. (In Russ.).
- Isupov, S. Y. (2009). *Biysk Fortress is the main...* Barnaul: ABC. 302 p. ISBN 978-5-93957-324-5. (In Russ.).
- Isupov, S. Y. (2010). The role of the Biysk fortress in the military colonization policy of the Russian Empire in Altai in the first half of the XVIII century. *Proceedings of the Altai State University. Ser.: history, political science, 4 (3)*: 91—94. (In Russ.).
- Isupov, S. Y. (2011). Dynamics of changes in the number of garrisons of the Biysk fortress in the first half of the XVIII century. In: *Actual issues of the history of Siberia. Eighth scientific readings in memory of Professor A. P. Borodavkin*. Barnaul: Publishing House of ASU. 95—96. (In Russ.).
- Kolesnikov, A. D. (1973). *The Russian population of Western Siberia in the XVIII — early XIX century*. Omsk: Siberian Publishing House. 440 p. (In Russ.).
- Kontev, A. V. (2016). Formation of the armed forces on the Irtysh border line in the mid — 1740s. *Bulletin of Kemerovo State University, 4*: 51—56. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-51-56. (In Russ.).
- Moiseev, V. A. (1998). *Russia and the Dzungarian Khanate in the XVIII century (essays on foreign policy relations)*. Barnaul: Publishing House of ASU. 174 p. (In Russ.).
- Muratova, S. R. (2007). *Siberian fortified lines in the XVIII century*. PhD Diss. Ufa. 241 p. (In Russ.).
- Ogurtsov, A. Y. (1990). *Military engineering policy of Russia in the south of Western Siberia in the XVIII century*. PhD Diss. Sverdlovsk. 260 p. (In Russ.).
- Ogurtsov, A. Yu. (2007). On the Kuznetskaya line. *Kuznetskaya starina, 9*: 40—67. (In Russ.).
- Puzanov, V. D. (2009). Yearlings in Siberia in the 17th century. *Questions of history, 2*: 132—142. (In Russ.).
- Puzanov, V. D. (2011). *Military policy of the Russian state in Western Siberia (late XVI — early XVIII century)*. Surgut: Timer. 233 p. ISBN 978-5-905243-07-3. (In Russ.).
- Skubnevsky, V. A. (ed.). (2019). *History of Altai. Altai at the end of the XVII — beginning of the XX century*. Barnaul: Publishing House of the Alt. state University. 300 p. ISBN 978-5-7904-2278-2. (In Russ.).
- Umansky, A. P. (1980). *Teleutes and Russians in the XVII—XVIII centuries*. Novosibirsk: Nauka Publ. 296 p. (In Russ.).
- Umansky, A. P. (1999). Kuznetsk and Altai prisons. *Kuznetskaya starina, 3*: 3—17. (In Russ.).

Venyukov, M. I. (1873). *Experience of military review of Russian borders in Asia*. St. Petersburg: Printing house of V. Bezobrazov and Co. 569 p. (In Russ.).

Zuev, A. S. (2007). Staff reform of the Siberian Cossacks in 1737. *Bulletin of Novosibirsk State University. Ser.: history, philology*, 6 (1): 22—27. (In Russ.).

*The article was submitted 16.02.2026;
approved after reviewing 26.05.2026;
accepted for publication 21.06.2026.*